

Рецензируемая монография не лишена, однако, отдельных недостатков. Так, в главах «Ненцы и энцы», «Нганасаны», «Селькупы» слабо освещен вопрос об этническом самосознании. В главах «Нганасаны», «Селькупы», «Эвены» почти не рассматриваются этноязыковые процессы, а в главах «Обские угры (ханты и манси)», «Ненцы и энцы», «Нганасаны» и «Селькупы» недостаточно раскрыт ход этнокультурных процессов. Только в главах «Обские угры», «Нганасаны», «Кеты», «Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы», «Народы Нижнего Амура и Сахалина» имеются сведения историографического характера. К сожалению, в работе отсутствует специальная глава о состоянии изученности проблемы этнической истории народов Севера. Глава историографического плана в подобной монографии представляется не только уместной, но и необходимой, так как она помогла бы объективнее оценить достижения современной науки в исследовании данной проблемы. В работе почти не использованы данные археологии и антропологии, хотя их роль в этнической истории XVI—XVIII вв. довольно велика. Непонятным представляется выделение в одном ряду с этнографическими еще диалектными (с. 265) и локальными (с. 263) групп. На наш взгляд, правомернее для периода разложения родового строя и периода патриархально-родового общества употреблять термин «патриархальная семья, либо «семейная община», а не термин «большая семья», встречающийся во многих главах книги. Его, на наш взгляд, правильнее применять в отношении неразделенных семей классового общества.

Рассмотренная нами книга безусловно вносит немалый вклад в освещение неясных или вовсе нерешенных вопросов этнической истории народов Севера. Представляется, однако, что работу по определению типов этнических общностей у каждого этнического образования в разные периоды следует продолжить и углубить.

Обобщающий коллективный труд, посвященный этнической истории народов Севера в XVI — начале XX в., сразу стал заметным явлением в этнографии и в исторической науке в целом. Он, несомненно, будет способствовать дальнейшему углубленному и целенаправленному проведению этнографических исследований.

В. М. Кулемзин, Н. А. Томилов

Е. И. Деревянко. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.

Рецензируемая книга посвящена этнокультурной истории мохэ — народа, генетическая преемственность которого прослеживается в истории бохайцев, чжурчженей, а в наши дни — всех тунгусо-маньчжурских народов бассейна Амура. Мохэ стоят первыми в этой генеалогической цепи этносов, о них известно менее, чем о других, и поэтому всестороннее изучение их этнокультурной истории, проведенное Е. И. Деревянко, имеет большую ценность.

Как определила свою задачу Е. И. Деревянко, ей предстояло перейти от исследования конкретных археологических культур и памятников к более высокому уровню обобщения, к воссозданию этнической истории мохэ. И в целом, надо сказать, ей удалось решить поставленную задачу. Для этого потребовалось сопоставить разрозненные данные письменных источников, в основном древнекитайских и отчасти древнеяпонских хроник, с накопившимися за последние годы обширными археологическими материалами, учесть данные палеоантропологии, проследить и проанализировать разнообразные этнографические параллели.

Предшественниками мохэ, как пишет Е. И. Деревянко, были в Приамурье и в Приморье племена урильской и янковской, а позже польцевской культуры. Носителей всех этих культур она считает этнически родственными между собой, но отличающимися от мохэ, которые появляются здесь с IV в. н. э., сменяя и, очевидно, постепенно ассимилируя носителей польцевской культуры. К VII в. н. э. территорию Среднего и Нижнего Амура, а также Приморья занимала этническая общность, которая в течение многих веков развивала и совершенствовала свою материальную и духовную культуру. На ее основе в дальнейшем вырастают первые на юге Дальнего Востока государственные объединения — Бохай и Цзинь (с. 32). Этот этнический массив тунгусо-маньчжурской общности отражен в летописных источниках под именами суньень, илоу, уцзи, мохэ, чжурчжень.

Данные письменных источников о хозяйственной деятельности мохэ и родственных им племен противоречивы, но в сочетании с археологическими источниками позволяют воссоздать достаточно полную картину. Одна из самых важных деталей этой картины — развитие металлургии железа. В предшествующих культурах железо присутствовало, но сосуществовало как материал для орудий с камнем, а с появлением на исторической арене племен мохэ оно становится основным материалом для орудий.

Рассматривая историю земледелия в Приамурье, Е. И. Деревянко подчеркивает, что оно было распространено здесь еще с неолита, а в рассматриваемое время стояло на довольно высоком агротехническом уровне, будучи не подсечным, а пойменным, и возможно, существовал здесь севооборот и были, видимо, распространены зеленые удобрения. Плужное земледелие, по приводимым ею материалам, имеет западные (среднеазиатские) истоки и сменило мотыжное в Приамурье и Маньчжурии раньше, чем в Китае. В скотоводстве у мохэ основную роль играли коневодство и свиноводство, был распространен и рогатый скот. В то же время в хозяйстве продолжали сохранять нема-

ловажное значение охота, рыболовство и ряд лесных промыслов, в частности, добыча женьшеня.

Металлургия и металлообработка у мохэ хотя и велась с помощью довольно примитивных орудий, была достаточно развита для удовлетворения основных потребностей общества. Е. И. Деревянко, анализируя набор изделий из металла и приемов их изготовления, отмечает наличие стандартных предметов, свидетельствующих о серийности ремесленного производства. В то же время металлообработка, как она отмечает, носила, по-видимому, сезонный характер, велась под открытым небом, скорее всего поздней осенью, в свободное от сельскохозяйственных работ время; отсюда напрашивается вывод, имеющий большое значение, но почему-то не сделанный автором, что ремесло еще оставалось у мохэ дополнительным занятием земледельческого населения. Керамическое производство, основанное всецело на лепной технике, по-видимому, должно подтверждать этот вывод.

Интересны данные об обработке дерева и кости, в частности, о распространении роговых мотыжек, употреблявшихся для рытья котлованов и ям, и сохранении, наряду с железными, костяных панцирных пластин. Нами ранее отмечалось, что источником железа, уже на рубеже нашей эры попадавшего на крайний северо-восток Азии, могли быть районы Приамурья и Приморья. Можно предполагать, что и костяные мотыги и панцирные пластины, широко представленные в древнеэскимосской культуре, восходят также к приамурским прототипам. Несколько неоправданно, на наш взгляд, в структуре книги то, что глава «Военное дело» оторвана от рассмотренных выше глав материалами о жилище.

Логичнее было бы эту главу, посвященную в основном оружию, доспехам и фортификации, непосредственно связать с главами об обработке дерева и металла. Материал этой главы представляет большой интерес: здесь рассмотрены различные наконечники стрел, дан их функциональный анализ (охотничьи, в частности, связанные с миром степняков свистящие стрелы для снижения лета птичьей стаи, боевые, в том числе бронбойные, и так далее), изучено рубящее оружие, в частности, прослежен постепенный переход от меча к сабле, вызванный изменением тактики конного боя, в свою очередь, связанной с появлением стреляющих.

Археологически хорошо документирована глава о жилище. Автор привлекает широкие этнографические параллели по разным формам жилища и приходит к выводу, что сходные формы полуподземного жилища с дымовым отверстием обусловлены сходством климатических условий, тогда как вариации в размерах и числе построек в поселениях связаны с уровнем хозяйственного развития и его направлением, а некоторые детали конструкции жилищ обусловлены контактами разных этнических групп на сопредельных территориях. Не вызывает возражений тезис о том, что наибольшее сходство жилища древних приамурцев с домами позднейших нанайцев и ульчей объясняется их этническим родством. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением, что только участием мохэских племен в формировании некоторых финноугорских народов можно объяснить близкие аналогии в духовной и материальной культуре, в частности в жилище мохэцев и современных им племен нижнего Приобья. На наш взгляд, эти аналогии должны рассматриваться либо как конвергентные (экологически обусловленные) либо, что менее вероятно, но все же возможно, восходить генетически к традициям, общим для исходного региона, логичнее всего — саяно-байкальского, откуда одни племена мигрировали в Приобье, другие — в Приамурье. Однако до тех пор, пока прототипы таких жилищ или переходные формы между ними не обнаружены где-либо посередине между двумя весьма удаленными друг от друга территориями, говорить об этом, пожалуй, преждевременно.

Особый раздел этой главы содержит материал о некоторых сторонах духовной культуры — обрядах, праздниках, поверьях, так или иначе связанных с жилищем, а также другие интересные сведения, заслуживающие более подробного рассмотрения. Е. И. Деревянко упоминает находки в мохэских памятниках антропоморфно орнаментированных лошадиных костей — бабок. По ее мнению, это олицетворение духов-хозяев дома, которых «кормили». «Этнографические параллели», приведенные далее, по-моему, таковыми служить, скорее всего, не могут, так как касаются деревянных или медных антропоморфных изображений, но никак не костей — бабок. Упомянувшиеся бабки вполне могли быть и принадлежностью какой-либо игры, тем более, что не сообщается ничего об обстоятельствах их находок — по одной или по несколько, в каком контексте и т. д., а ниже мы узнаем, что они встречаются не в жилищах, а в погребениях.

С другой стороны, параллели можно было бы привлечь из этнографии монголов, где овечьи бабки служат в основном для игр, но тем не менее некоторая весьма стертая ритуально-магическая символика, связанная с ними, все-таки, несомненно, прослеживается.

Можно согласиться с Е. И. Деревянко, когда она на основании данных разных источников определяет социальный строй мохэцев как военную демократию, на базе которой в дальнейшем складывается государство Бохай. Здесь были бы вполне уместны параллели с древними германцами накануне образования варварских королевств, или с зулусским государством Чаки. Существенное значение для реконструкции социального строя мохэцев имеет проделанная автором типологизация погребений, позволившая выделить три типа могил: рядовых общинников, богатых воинов и военачальников. Детальный анализ различных вариантов погребального обряда, проделанный автором с привлечением широких этнографических аналогий, имеет большую ценность.

Основной пафос книги заключен в ее последней главе — «Некоторые аспекты этногенеза». Ей предшествует ряд теоретических предпосылок, с большинством которых можно согласиться, но некоторые вызывают возражения своей излишней категорич-

ностью. К последним относятся утверждения, что «на ранних ступенях развития человеческого общества (до бронзы) археологическая культура и этнос совпадают» (с. 242) и что тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки дифференцировались из единой алтайской общности (там же). На самом деле первое в высшей степени спорно, а второе по меньшей мере не бесспорно. Кстати, создается впечатление, что ниже на с. 256 Е. И. Деревянко противоречит себе, признавая, «что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным», но на с. 261 вновь читаем о «древней языковой общности для тунгусо-маньчжурской, монгольской и тюркской групп».

Что касается положений автора собственно об этногенезе мохэ, то они представляются вполне весомыми и убедительными, и значительно существеннее, чем можно было бы полагать по скромности заголовка этой главы. Определяя мохэцев как тунгусо-маньчжурский в своей основе этнос, Е. И. Деревянко с полным основанием видит в нем значительный тюркский компонент.

В отношении шивэй мы принимаем концепцию автора о том, что в разных случаях под именем шивэй понимались племена разной этнической принадлежности. Однако нам представляется, что как и в случае с ханниганями в позднейшее время, мы имеем здесь дело с разными уровнями монголизации (у шивэй — киданизации) исходного тунгусо-маньчжурского субстрата.

В целом, несмотря на отмеченную противоречивость отдельных частных положений, книга Е. И. Деревянко, бесспорно, вносит весомый вклад в изучение древней истории народов Сибири и Дальнего Востока и поднимает проблему об этнических взаимосвязях древних и современных тунгусо-маньчжурских народов на новый качественно более высокий уровень.

С. А. Арутюнов

Л. И. Тегако, И. И. Саливон, А. И. Микулич. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей (по данным исследования населения Поозерья). Минск: Наука и техника, 1981. 286 с.

Рецензируемая книга продолжает серию ведущихся тремя минскими специалистами антропологических исследований населения Белоруссии¹. По комплексности, широте программы, включающей десятки разнообразных признаков и систем, эти монографии, насколько мне известно, не имеют себе равных в нашей литературе.

На этот раз работы велись в самой северной части республики — Поозерье. В 1974—1979 гг. здесь изучено семь сельских и две городские группы общей численностью более 2000 чел.

Книга состоит из четырех глав. В первой из них Л. И. Тегако суммирует физико-географические, археологические, этнографические и антропологические данные о Поозерье и приводит собственные демографические материалы. Они показывают, что если еще недавно сельское население этого района было малоподвижным (радиус брачного круга не превышал 15 км), то в 70-е гг. браки между односельчанами составляли уже менее 10%. Усилению мобильности способствовало создание здесь двух промышленных центров. Ясно, что времени в распоряжении антропологов оставалось мало.

Вторая глава, написанная И. И. Саливон, посвящена соматическим особенностям поозерцев. Межгрупповая дифференциация коренного населения по традиционным расодиагностическим признакам оказалась слабой. Тем не менее автор выделяет здесь два типа. Первый, локализованный в западном Поозерье, находит аналогии среди литовцев и латышей, и, возможно, связан с дославянским населением; второй, тяготеющий к северо-восточному Поозерью, был, по предположению И. И. Саливон, принесен сюда славянами с севера. Различия между изученными районами в степени массивности скелета вызваны, вероятно, иными причинами. Наибольшая массивность отмечена у жителей бассейна Западной Двины — района с максимальным содержанием макро- и микроэлементов в почвах. Попытка И. И. Саливон отнести своеобразное телосложение местных жителей за счет геохимических факторов выглядит вполне убедительной.

Исключительный интерес представляет исследование потомков межнациональных браков (ПМБ) между белорусами, русскими и украинцами. По ряду соматических признаков ПМБ не попадают в промежуток между двумя родительскими группами: они в среднем выше ростом, имеют более грацильное сложение, более круглую форму головы. Изучены не только взрослые ПМБ, но и дети, что позволило проследить возрастную динамику признаков в смешанных группах.

Обнаружены антропологические различия между горожанами и сельскими жителями: у первых более крупные размеры тела; они относительно более длинноноги и узкогруды. И. И. Саливон считает, что причин может быть несколько: акселерация, проявившаяся в более молодом городском контингенте, влияние пищевого режима, условий труда. По расодиагностическим признакам различий между сельским и городским населением практически нет.

В третьей главе Л. И. Тегако приводит собранные ею данные по дерматоглифике и одонтологии поозерцев. Наряду с традиционными изучены и признаки, сравнительно

¹ Саливон И. И., Тегако Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976; Тегако Л. И., Микулич А. И., Саливон И. И. Антропология Белорусского Полесья. Минск: Наука и техника, 1978.